

**Макарий**

**История русской церкви Том  
6**

**Москва  
«Книга по Требованию»**

УДК 291  
ББК 86.3  
М15

**Макарий**  
М15 История русской церкви Том 6 / Макарий – М.: Книга по Требованию, 2021. – 360 с.

**ISBN 978-5-4241-1888-3**

Митрополит Макарий, в миру Булгаков Михаил Петрович - богослов и историк церкви, академик Петербургской АН с 1854 г. Активно занимался литературной и публицистической деятельностью. Основное место в наследии митр. Макария занимают исторические сочинения ("История Киевской академии" (1843), "История русского раскола" (1854 и 1889), "История русской церкви" (1857-1883). В 12-томной "Истории русской церкви" последовательно и подробно освещена история церкви с X века до патриаршества Никона включительно. Труд ценен публикацией многих древних источников.

**ISBN 978-5-4241-1888-3**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2021  
© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2021  
© Макарий, 2021

Макарий Митрополит  
(Булгаков)  
История русской церкви (Том  
6)



Митрополит МАКАРИЙ  
ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЦЕРКВИ  
КНИГА 4  
ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЦЕРКВИ В ПЕРИОД ПОСТЕПЕННОГО ПЕРЕХОДА  
ЕЕ К САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (1240-1589)  
ТОМ 6

СОСТОЯНИЕ РУССКОЙ ЦЕРКВИ ОТ МИТРОПОЛИТА СВЯТОГО ИОНЫ  
ДО ПАТРИАРХА ИОВА, ИЛИ ПЕРИОД РАЗДЕЛЕНИЯ ЕЕ НА ДВЕ  
МИТРОПОЛИИ (1448-1589)

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ 2

ГЛАВА I 3

ГЛАВА II 13

ГЛАВА III 81

ГЛАВА IV 91

ГЛАВА V 121

ОТДЕЛ 2

ВСТУПЛЕНИЕ

Во 2-й половины XV столетия начинается великая перемена в государственной жизни нашего отечества. Система уделов, бывшая столько веков главным источником бедствий для земли Русской и уже довольно потрясенная прежде, падает теперь окончательно. Монгольское иго, другой источник еще тягчайших бедствий для нее в продолжение двух последних веков, после постепенного ослабления также исчезает совершенно. Русские государи, сделавшись единовластными и независимыми, или самодержавными, обращают свое внимание на внутреннее благоустройство своего государства и дают ему лучшие, подробнейшие законы; раздвигают пределы его на восток и запад, покоряя себе царства татарские, племена финские и возвращая от Литовского государства целые области, издревле принадлежавшие России; вступают в сношения с государями Европы, откуда заимствуют начатки ремесел, художеств, и по падении Греческой империи, а особенно после брака Иоанна III с племянницею последнего греческого императора Константина Палеолога, считая себя как бы законными преемниками величия православных греческих императоров, усваивают себе, хотя и не вдруг, их имя - имя царя и присоединяют герб Греческой империи - двуглавого орла к гербу московскому святому Георгию Победоносцу.

С половины того же XV в. началась важная перемена и в церковной жизни России. Русская Церковь с самого основания своего находилась в зависимости от Константинопольского патриарха, который долгое время и избирал и поставлял для нее первосвященителей, почти исключительно из греков, и оставался верховным пастырем их и судиею. В продолжение монгольского периода эта зависимость отчасти уменьшилась в том отношении, что патриарх позволял самим русским избирать себе митрополитов из числа своих соотечественников, удерживая, однако ж, за собою право поставлять их или утверждать в митрополитском сане, а также право надзора и суда над ними. Теперь, наконец, и эта последняя доля зависимости прекратилась: Русская (точнее - Восточнорусская) Церковь начала сама избирать, поставлять и судить своих митрополитов Собором своих архипастырей без всяких сношений с патриархом, и если патриарх по праву (de

jure) продолжал еще считать ее одною из своих митрополий, то на деле (de facto) она являлась уже самостоятельной и независимой. Вместе с тем естественно изменились и отношения русского государя к отечественной Церкви. Прежде великий князь России должен был каждый раз по смерти своего митрополита обращаться к Константинопольскому патриарху и императору и просить их о назначении в Россию нового первосвященителя или об утверждении избранного в России. И не раз случалось, что эта просьба не была уважена: к нам присылали митрополитом не того, кого у нас желали и о ком ходатайствовали. Великий князь иногда решался не принимать неугодного ему митрополита или удалял его от кафедры чрез несколько времени по каким-либо причинам. Но вскоре сознавал потребность уступить и сам приглашал того, кого прежде отверг, или находился вынужденным слать послов в Константинополь, писать объяснения и оправдания, просить, чтобы нарядили суд над митрополитом, а в Россию дали другого первосвященителя. Лицо Русского митрополита и его дела, его управление Русскою Церковью были как бы неприкосновенны для русского великого князя (не говорим о немногих известных исключениях) или, по крайней мере, были постоянно ограждены властью Цареградского патриарха и греческого императора, особенно когда этот митрополит был грек и, следовательно, не русский подданный. Но с тех пор как Россия получила церковную самостоятельность и власть избирать, поставлять и судить митрополита сделалась достоянием Собора русских иерархов, подданных русского государя, с тех пор она перешла и в его руки и все означенные действия начали совершаться не иначе как по его воле, с его согласия, с его утверждения. Находясь в такой зависимости от своего государя лично как его подданный, митрополит неизбежно зависел от него и во всем управлении Церковью: все важнейшие распоряжения свои делал не иначе как с его ведома и соизволения, а иногда даже, судя по свойству дел, - по его повелению; часто употреблял свою духовную власть для целей гражданских, для блага отечества, но не по своему только желанию и усмотрению, как случалось и прежде, а по указанию или приказанию государя. Словом, русский царь стал точно в такие же отношения к Русскому митрополиту, епископам и всей Церкви, в каких издревле находились греческие императоры к Константинопольскому патриарху со всею подведомою ему иерархией и паствою. Эти отношения по временам обнаруживались в России и прежде, но теперь они окончательно установились и утвердились.

Самостоятельность Русской Церкви и те отношения, в какие стал к своему митрополиту русский великий князь, необходимо должны были повести к разделению ее на две митрополии. Попытки к этому разделению, как мы знаем, были не раз и прежде. Они происходили оттого, что часть русских епархий отделилась в гражданском отношении от России и вошла в состав Литовского государства. Литовские князья, чувствуя свою самостоятельность и находясь почти непрерывно в неприязненных отношениях к Москве, не могли равнодушно смотреть, как их подданные православного исповедания состоят в церковном подчинении митрополиту, живущему в Москве, и потому желали и домогались добыть для Литвы особого православного митрополита. Но их попытки не всегда удавались, потому что на это не изъявляли согласия Цареградский патриарх и император, от которых зависело назначение митрополитов в Россию. А если и удавались, то ненадолго, потому что сами литовские князья соглашались наконец

признавать таких митрополитов Русских, каковы были Киприан, Фотий, которые, не будучи подданными русского князя и завися не столько от него, сколько от патриарха, могли одинаково относиться и к московскому и к литовскому князьям с их православными подданными. Но теперь, когда избрание и поставление Русского митрополита стало совершаться в самой России и преимущественно по воле русского государя, когда Русский митрополит мало того что постоянно жил в Москве, был непременно и подданный русского государя, теперь невозможно было ожидать, чтобы государи Литвы не позаботились отторгнуть окончательно свои литовские православные епархии от Русской митрополии и не подчинили своему особенному Литовскому митрополиту. Так действительно и случилось. В Литве образовалась митрополия, совершенно отдельная от Московской, и продолжала в таком виде существовать непрерывно, до тех пор пока Киев и целые литовско-русские области с православным населением не воссоединились с Россиею.

Самостоятельность Русской Церкви, начавшаяся в настоящий период, не была еще полная и совершенная и, как увидим, неодинаково обнаруживалась в обеих ее половинах - Восточной и Западной. Но разделение ее на две митрополии, Московскую и Литовскую, было уже полное и совершенное. А потому для удобнейшего отличия этого периода в ряду прочих (частных периодов нашей церковной истории) его можно назвать по преимуществу периодом разделения Русской Церкви на две митрополии.

## ГЛАВА I

Митрополит, с которого началась самостоятельность Русской Церкви, хотя еще неполная, и при котором состоялось окончательное разделение ее на две митрополии, был святой Иона. Он родился в погосте Одноушове, который так назван по фамилии отца его Феодора Одноуша и существует доньше близ Солигалича, уездного города Костромской губернии. Двенадцати лет Иона принял иноческий образ в одной из обителей страны Галичской, а чрез несколько времени перешел в московский Симонов монастырь. Здесь он проходил разные послушания, всецело предаваясь трудам и подвигам духовной жизни, и принадлежал к числу тех немногих иноков, которые ревновали о сохранении в обители ее первоначальных уставов и порядков и за всякое отступление от них смело говорили правду самим настоятелям, хотя немало терпели за то скорбей и гонений. Сохранился рассказ, что однажды, когда Иона нес послушание в пекарне, митрополит Фотий, посетив Симонов монастырь и обходя монастырские службы, зашел в эту пекарню и увидел Иону глубоко спавшим от усталости. Архипастырь не велел будить хлебопека и, заметив, что он держал свою правую руку на голове "согбену, яко благословляше ею", сказал своим спутникам: "Поймите, дети, что инок Иона будет великим святителем в земле Русской и многих неверных обратит к Богу и просветит святым крещением, а наконец сделается пастырем и учителем самому царствующему граду Москве".

Первые две части этого предсказания скоро исполнились. Еще сам Фотий возвел Иону в сан епископа Рязанского и Муромского. И как в пределах его обширной епархии, обнимавшей и некоторые части нынешних епархий Тамбовской и Воронежской, находились целые селения финских племен: мордвы, мещеры, муромы, державшиеся идолопоклонства, то он обратил свою архипастырскую ревность на этих неверных и действительно многих из них привел к истинному

Богу и просветил святым крещением. Зато исполнение остальной части предсказания встретило целый ряд препятствий.

Когда митрополит Фотий скончался (8 июля 1431 г.), Иону, как мы уже знаем, избрали на место его, но по смутным обстоятельствам отечества не спешили отправить в Царьград для поставления в митрополита. В 1433 г. Иона продолжал еще именоваться только "нареченным в святейшую митрополию Русскую" и заведовать ею. А между тем в том же году Смоленский епископ Герасим побывал в Царьграде и возвратился оттуда митрополитом "на Русскую землю". Герасима скоро не стало (26 июля 1434 г.), тогда Иону послали наконец к патриарху для поставления в митрополита. Но в Царьграде уже назначили к нам митрополита Исидора, а Ионе сказали только, что он благословляется быть митрополитом после Исидора, если с последним случится смерть или что другое. С Исидором действительно скоро случилось недоброе: он изменил православию и был осужден Собором русских иерархов, в числе которых находился и Рязанский епископ Иона.

После этого великий князь Василий Васильевич решился писать к императору и патриарху. Сказав о принятии Россиею православия из Царьграда и о том, что оттуда она постоянно принимала своих митрополитов, иногда греков, а иногда русских, избранных в отечестве, князь продолжал с заметным огорчением, как и он по смерти митрополита Фотия посылал в Царьград епископа Рязанского Иону с просьбою о поставлении его в митрополита и как неизвестно почему просьбе этой не вняли. Иону на митрополию не поставили, а о ком не писал он, князь, кого не просил и не требовал, того прислали в Россию митрополитом, т. е. Исидора; как этот Исидор, которого князь едва-едва согласился принять, вопреки воле его отправился на Флорентийский Собор и, дав обещание сохранить православие, изменил ему, возвратился легатом папы к князю, привез от него послание, начал вводить латинские заблуждения и как, наконец, Собор русских епископов и прочего духовенства, рассмотрев внимательно послание папино, нашел "Исидорово все дело и прихождение чуждым и странным от Божественных и священных правил". Изложив это довольно подробно, князь обратился к императору и патриарху с словами: "Посему мы послали к вам наших послов и с ними писание папино, писанное по-латыни и по-гречески, которое принес к нам Исидор, и просим вас: воззрите в Божественные правила и в папино послание и рассудите, а нам дозвольте свободно совершать поставление для себя митрополита в нашей земле. Нужно это и по дальности и непроходимости пути к вам, по частым набегам татар в наши пределы, по нестроениям и мятежам в соседних нам странах. Нужно и потому, что всякому православному христианину приходится беседовать с митрополитом о духовных своих делах, а нам, государю, и о гражданских, иногда сокровенных, между тем с митрополитом из греков можно говорить не иначе как через молодых переводчиков, которые таким образом первые узнают то, чего им не следовало бы знать. Просим вас: пришлите нам ваше письменное разрешение, чтобы по святым правилам Собор епископов нашей земли, избрав человека доброго, мужа духовного, верою православного, поставил нам митрополита на Русь, как и прежде бывало по нужде поставление на Руси митрополита. А мы желаем, как было изначала, иметь сношения и любовь с святым царем и просить благословения и молитв у святейшего патриарха, пока будет стоять наша земля, и отнюдь не думаем разлучать от вас наше православное



христианство". Из чтения этого послания легко приметить, что главным побуждением, почему великий князь Василий Васильевич решился ходатайствовать о поставлении Русских митрополитов в самой России, было вообще все прискорбное дело Исидорово... А остальные причины и обстоятельства, на которые ссылается князь, отнюдь не новые: на них русские могли бы ссылаться для той же цели и в прежние времена. Это послание, писанное в 1441 г. вдруг по осуждении Исидора в России, было отправлено в Константинополь, но вскоре пришедшая весть в Россию, что греческий император вместе с патриархом принял латинскую веру, заставила нашего князя воротить своих послов. Через два года послание было вновь приготовлено, с небольшими переменами, к отсылке в Царьград, но, может быть, по той же причине не было отправлено. И Рязанский епископ Иона все еще оставался епископом.

В 1446 г., когда великий князь Василий Васильевич был ослеплен князем Димитрием Шемякою, занявшим московский престол, и сослан в Углич, Шемяка, желая иметь в руках своих и малолетних детей Василия, которые были скрываемы в Муроме, вызвал Рязанского епископа Иону и обещал ему митрополию, если он отправится в Муром, возьмет "на свою епитрахиль" этих детей и привезет в Москву. Иона, не подозревая злых намерений Шемяки, исполнил его волю, привез детей в Москву и потом отвез к отцу в Углич. Тогда Шемяка повелел Ионе жить на митрополичьем дворе и Иона повиновался. Но скоро обстоятельства изменились. Василий Васильевич снова занял великокняжеский престол, и против Шемяки, бежавшего из Москвы и продолжавшего смуты, Собор русских владык и прочего духовенства издал (29 декабря 1447 г.) известное обличительное послание. В числе этих владык стоит и имя Ионы, только не митрополита, а владыки Рязанского, и не на первом, а на третьем месте, после владык Ростовского и Суздальского. Уже не прежде как в 1448 г. святой Иона достиг наконец митрополитского сана, к которому был избран семнадцать лет тому назад по смерти Фотия.

Исидор, осужденный в России за измену православию, удалился в Рим и хотя продолжал титуловать себя Русским митрополитом, но не был признаваем Русскою Церковию. Великий князь Василий Васильевич многократно пытался послать своих послов в Константинополь известить царя и патриарха об измене Исидора и просить их о поставлении для России нового митрополита, но не находил возможности. Ему постоянно препятствовали домашняя кровавая борьба, которую он вел с князем Димитрием Шемякою, грабежи и разбои, совершавшиеся на пути из России в Константинополь, а особенно то, что в самом Константинополе не к кому было обратиться: и царь и патриарх держались Флорентийской унии. От них нельзя было ожидать ни осуждения Исидору, ни назначения на место его нового православного митрополита. Напротив, второй после Митрофана (4 мая 1440 г. - 1 августа 1443 г.) латинствовавший патриарх Григорий Мамма (7 июля 1446 г. - август 1451 г.) принимал у себя Исидора и рукоположил вместе с ним в Константинополе епископа Даниила на епархию Владимирско-Вольинскую, а когда киевский князь Александр Владимирович, зять великого князя Василия Васильевича московского, спросил его, патриарха, чрез своего слугу о Флорентийской унии, то написал к этому князю, восхваляя унию, чтобы он принял "кира Исидора, митрополита и кардинала", имел к нему послушание и не принимал к себе никакого епископа или инок, которые учат несо-

гласно с Флорентийскою униєю. Что же оставалось делать? Ждать более благоприятных обстоятельств? Но Россия и без того ждала уже очень долго и около семи лет оставалась без митрополита. А притом неизвестно было, настанут ли и скоро ли настанут такие обстоятельства в Константинополе. И вот Василий Васильевич решился на последнее средство, какое у него оставалось, - решился созвать всех епископов своей земли и предложить им, чтобы они сами поставили для России митрополита, и именно Иону, епископа Рязанского, как избранного к тому еще прежде. По зову великого князя прибыли в Москву епископы: Ефрем Ростовский, Авраамий Суздальский, Варлаам Коломенский, Питирим Пермский, а владыки Новгородский Евфимий и Тверской Илия прислали свои грамоты, в которых выражали свое согласие на поставление Ионы в митрополита. Собор открылся в церкви святого архангела Михаила, и здесь присутствовали, кроме святителей, множество архимандритов, игуменов и прочего духовенства. Прежде всего обратились к правилам святых апостолов и Соборов и нашли, что правила эти не только не возбраняют, напротив, повелевают епископам известной области поставлять большего святителя или митрополита. Чувствовали, что в России для этого нужны согласие и благословение Цареградского патриарха, и сослались на то, что патриарх с своим освященным Собором уже давно благословил Иону быть митрополитом после Исидора, когда Иона ездил в Константинополь. Припомнили, что в России и прежде по нужде ставились митрополиты Собором своих архиереев: Иларион при великом князе Ярославле и Климент при Изяславе. Вследствие всего этого Иона, епископ Рязанский, 5 декабря 1448 г. поставлен был в митрополита. Самое поставление состояло в том, что при совершении Ионою Божественной литургии на него возложен был митрополичий омофор, а в руки ему дан был великий митрополичий посох символ митрополической власти. Это был первый митрополит, поставленный своими епископами собственно в Москве, тогда как прежние два опыта совершения были еще в Киеве.

Поставление митрополита Ионы, хотя имело все свойства законности, но как выходявшее из ряда естественно должно было привлечь на себя внимание и возбудить мнения и толки. Потому сам святитель сознавал нужду выяснять значение этого события верующим. Едва только взойдя на свою кафедру, он в своей окружной грамоте ко всем христианам русским между прочим писал: "Вам известно, дети, сколько лет вдовствовала Церковь Божия без большого святителя, без митрополита, и оттого много учинилось лиха и истомы христианству нашей земли. И ныне, волею Божиею, собрались на священный Собор владыки, и архимандриты, и игумены со всем великим Божиим священством нашей земли и, припомнив прежнее о нас повеление святого царя и благословение святого Вселенского патриарха и всего святого Вселенского Собора, поставили меня митрополитом по Божественным правилам и по думе господина сына моего великого князя Василия Васильевича и младшей его братии - князей, которые, пока было в Царьграде православие, оттуда принимали и благословение и митрополита". Еще подробнее излагал дело святой Иона в послании к киевскому князю Александру Владимировичу: "Ты сам знаешь, что сталося в Царьграде в царях и в патриаршестве... В великой соборной церкви и в палате царской начали поминать имя папы, тогда как ни в монастырях, ни в одной из церквей во всем Царьграде и во всей Святой горе нигде не поминается имя папино, а держат

все по милости Божией добрую старину. Посему доселе в Русской митрополии не было митрополита - не к кому было посылать: царь не таков, и патриарх не таков; они иноумудствуют и приближаются к латинам". Затем Иона говорил, как великий князь Василий Васильевич, ревнуя об отечественной Церкви, многократно ("во многия времена") совещался со всеми святителями и другими пастырями своей земли, сносился со всеми православными князьями, разыскивал старину, представившую примеры поставления митрополитов если не в Москве или Владимире, то в Киеве, и как наконец Собор русских иерархов поставил его, Иону, митрополитом по священным правилам и по прежнему благословению, данному ему еще в Царьграде от патриарха. Эти же самые мысли и объяснения святой Иона повторял и впоследствии в своих посланиях к литовским епископам. И не напрасны были такие объяснения: известно, например, что даже преподобный Пафнутий Боровский соблазнялся поставлением митрополита Ионы, не велел называть его митрополитом, не хотел исполнять в своей обители его пастырских распоряжений и объяснялся с ним непочтительно, так что Иона жаловался великому князю Василию Васильевичу, и Пафнутий, заключенный в оковы, должен был довольно времени просидеть в темнице, пока не смирился, не покался и не получил благословения от митрополита возвратиться в свою обитель.

Если считали нужным объяснять для самих русских поставление Ионы в митрополита, то еще более настояла нужда объяснить это в Царьграде - пред царем и патриархом. Император Иоанн Палеолог, поборник Флорентийской унии, скончался (31 октября 1448 г.), место его занял (с 12 марта 1450 г.) брат его Константин. Когда весть об этом достигла Москвы, великий князь Василий Васильевич написал новому императору послание, в котором, высказав ему приветствие и благожелание по случаю вступления его на престол, изложил весь ход дела о посольстве Ионы в Царьград, о прибытии оттуда Исидора в Россию, о путешествии его во Флоренцию и измене и об отвержении его самого Россиею. "С того времени, - продолжал князь, - мы начали иметь попечение о своем православии и желали и искали, чтобы послать в Царьград наших послов и известить о состоянии нашей Церкви и о поставлении нам митрополита. Но хотя мы "многолетне" того искали и желали, однако ж не имели успеха не по лености нашей и небрежности, а по недостатку случая, ибо, как мы слышали, в ваших державах было разногласие в Церкви Божией, на пути к вам происходила всякая теснота для путешественников от разбойников и грабителей, а в наших странах было всякое нестроение: частью - от нашествия татар, а частью - от междоусобной брани. Вследствие такой-то великой нужды мы, созвав епископов своей земли, по правилам святых апостолов и отцов поставили себе митрополита Иону. Просим твое царское величество, да не молвишь об нас, будто мы совершили это дерзостно, не снесшись с вами, - мы поступили так по великой нужде, а не по кичливости и дерзости. Мы остаемся в древнем благочестии и сохраним преданное нам православие до скончания века. Церковь наша Русская требует и ищет благословения от святой Вселенской Цареградской Церкви и во всем по древнему благочестию повинуетс ей. Равно и митрополит наш Иона просит от нее благословения и единения с нею, за исключением вновь явившихся разногласий... Мы хотели писать о наших делах церковных и о нашем митрополите и к Вселенскому православному патриарху и просить его благословения, да не знаем, есть ли уже в царствующем граде патриарх или нет: мы о нем ни от кого не слышали.

А как Бог даст - у вас будет в великой соборной церкви патриарх по древнему благочестию, наш долг писать к нему о положении наших дел и во всем просить его благословения". На одном из сохранившихся списков этой грамоты помечено, что она "не пошла", т. е. не была отправлена в Константинополь. Но, не будучи отправлена в одно время по каким-либо обстоятельствам, она могла быть отправлена в другое время, когда обстоятельства изменились. Или, быть может, наш князь и вовсе не отправлял ее, услышав, что и новый император Константин хотя притворно, но склонялся на сторону латинян, сносился с папою в надежде получить от него помощь против турок и с честью принял "кардинала Польши, прежде бывшего архиепископа России" Исидора, присланного папою (в ноябре 1452 г.) для восстановления в Царьграде Флорентийской унии. Как бы то ни было, впрочем, для нас важно собственно содержание грамоты, определяющее тот взгляд, какой имели тогда у нас на поставление митрополита Ионы: он поставлен был без сношения с Царьградом единственно по великой нужде; и русские вовсе не хотели чрез это отделиться от Церкви Константинопольской, напротив - желали оставаться в единении с нею и в повиновении ей.

Вскоре дела приняли другой оборот. Константинополь взят был турками 29 мая 1453 г., и тогда же погиб император Константин Палеолог; и рушились все надежды латинян утвердить свою власть в столице Греческой империи. На патриаршем престоле Цареградском воссел с утверждения самого султана Магомета II известный ревнитель православия Геннадий, в мире называвшийся Георгием Схоларием. Озабоченный нуждами своей бедствующей Церкви, он решился обратиться за материальными пособиями к единоверной России, ибо, без сомнения, по его благословию прибыл тогда к нам какой-то "митрополит цареградский" (т. е. из Царяграда) Игнатий, который в 1454 г. целый месяц июнь прожил в Пскове и, щедро одаренный, отправился оттуда в Новгород. Вероятно, чрез этого-то митрополита, которому нужно же было пред началом сборов своих по России представиться нашему великому князю или, по крайней мере, митрополиту, патриарх и прислал последнему свою грамоту. В грамоте первосвященник напоминал о своих правах на Русскую митрополию, просил пособий своей угнетенной Церкви как теперь, так и на будущее время и выражал желание, чтобы наш великий князь прислал к нему в Царьград своего посла. Все это видно из ответного послания нашего митрополита, который между прочим писал к патриарху: "Благословения от твоей великой святыни мы требовать хотим, равно и ото всех, кто ни будет патриархом на патриаршестве, соблюдая Церковь Христову и держа истинное православие. И когда что у нас найдется, то за Христову любовь посылать к вам хотим. Ныне, господине, сын мой великий князь послал к твоей великой святыне своего посла, человека честного и близкого к нему, Ивана Владимировича, по твоему к нам приказу и писанию, и что, господине, у нас нашлось, то от веры, за духовную великую любовь мы послали к тебе с тем же великокняжеским послом. И ты за те наши малые поминки на нас не помолви, ибо и наша земля по грехам от поганства и междоусобных браней весьма истощала и истомилась". Затем митрополит просил, чтобы патриарх показал к нему свою совершенную духовную любовь и прислал ему чрез посла великого князя честное свое писание обо всем, в душевную пользу нашему православию и для святительской чести его, митрополита, прибавляя, что грамоты прежних патриархов погибли все от пожаров во время бывших земских нестроений, а в